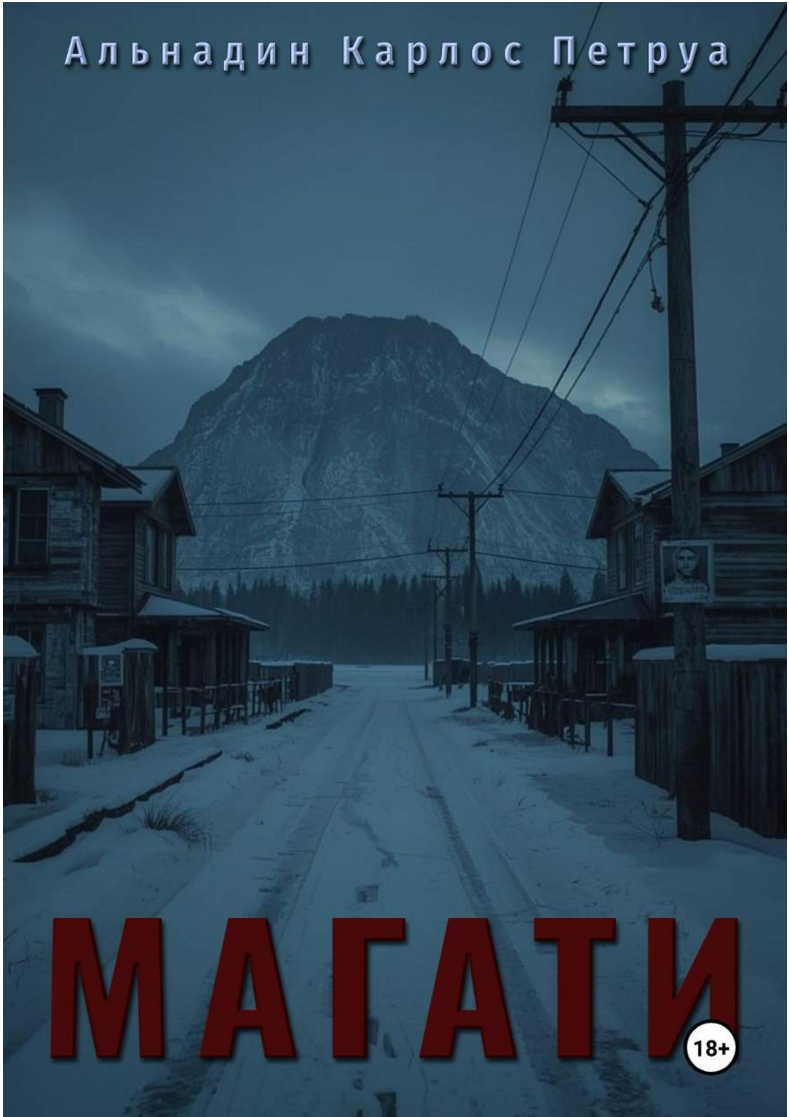

Альнадин Карлос Петруа
МАГАТИ
18+

Альнадин Петруа
Магати

https://litres.ru/74708422
SelfPub; 2026

Аннотация

Как долго человеческий разум способен сопротивляться абсолютному одиночеству? Что произойдёт с вашей психикой, если привычный мир вокруг исчезнет в один миг?

Магати встречает леденящим туманом. Очередная поездка на электричке превращается в ловушку.

Поначалу ты пытаешься держаться за остатки цивилизации . Но тишина слишком осязаема. Здесь пустота умеет караулить, а у природы — очень терпеливые глаза. Магати забирает всё — сначала твоё время, затем твоё спокойствие. Как не сойти с ума, когда привычные вещи начинают казаться изощрённой ловушкой, а занавеска в соседском доме скрывает то, от чего хочется бежать без оглядки?

Когда границы между реальностью и жутким сном окончательно сотрутся, сможешь ли ты понять, где кончаются игры твоего трещащего по швам разума и начинается хтонический ужас самой Горы?

Задайте себе вопрос: как долго вы протянете в изоляции, прежде чем начнёте искать утешения у тех, кто прячется в ночном тальнике?

Содержание

Протальник. Пробуждение весны. 4
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Альнадин Петруа Магати

Протальник. Пробуждение весны.

Парализующая темнота в подъезде была какой-то неестественно тяжёлой и удушающей. Мартовская метель за окнами между этажами яростно колотила в стёкла, заставляя старые рамы глухо вибрировать, а неуёмные карнизы устраивать пьяный дебош. Виски стягивало привычным параноидальным обручем — сказывался хронический недосып.

Я стоял на площадке пятого этажа, вслушиваясь в хмурую тишину бетонного колодца. Где-то внизу, на уровне то ли второго, то ли третьего этажа, истошно, с металлическим надрывом бился заклинивший лифт. Его старые двери с монотонным, глухим стуком то с трудом сходились, то снова панически расходились, шлепая по косякам. Фаза трения молекул железа. Было предельно ясно, что ждать этот советский гроб на тросах сегодня нет никакого смысла — придётся топать пешком.

Я поправил воротник куртки и начал медленно спускаться по обледенелым бетонным ступеням. Тяжёлые каблуки моих кожаных зимних сапог отбивали сухой, чёткий ритм, который гулким, зловещим эхом отражался от ободранных стен

подъезда. Звук улетал вниз, в темноту первого этажа, и возвращался обратно деформированным.

Где-то между четвёртым и третьим пролётом сквозь хлопанье лифта до моих ушей донёсся странный, чавкающий звук. Хлёсткий, влажный, первобытный. Будто кто-то огромный и голодный в полной темноте яростно рвал зубами плотную сырую субстанцию. В ту же секунду в нос ударил густой, удушливый концентрат запахов. Это была дикая смесь жуткого, тяжёлого звериного пота, едкого аромата сырого железа и чего-то до боли знакомого... На секунду показалось, что так пахнет в подсобных помещениях старого гастронома или на продовольственном складе, где разделывают туши.

«Опять эти дурацкие соседи свои мусорные пакеты с костями до баков донести не смогли, прямо на площадке вывалили», — зло подумал я про себя, на автопилоте сжимая кулаки в карманах. Мой мозг, усыплённый бытовой рутиной зольного городка, до последнего цеплялся за логику, вообще не подозревая, какой хтонический чертеж ждёт меня за следующим бетонным поворотом...

Я сделал ещё несколько неуверенных шагов вниз по обледенелому мартовскому насту ступеней, заглянул за бетонный косяк пролёта — и в этот миг по моей увесистой коробке пролетел сокрушительный разряд. По всей спине мертвецким холодом прошибли крупные, тяжёлые мурашки, в ушах врубился давящий, яростный звон, а дыхание перехватило так, словно лёгкие превратились в куски сухого льда. Сердце

сделало бешеный кувырок и застряло где-то в районе горла.

Из глухой, парализующей темноты площадки второго этажа прямо у бьющихся дверей лифта проступал массивный, хтонический силуэт. На куче уличной грязи, рваных тряпок и каких-то бесформенных брошенных вещей сидела гигантская бурая медведица. Прямо у её массивных когтистых лап белел разорванный, сочащийся багровой слизью анатомический каркас — оголённая грудная клетка какого-то существа. Весь этот костяной веер был вывернут наружу. Прижимаясь спиной к холодной стене, я судорожно пытался затаить дыхание и не мог понять: чья это грудина? Человеческая? Или этот лесной монстр приволок из тайги в наш спальный район тушу какого-то крупного животного, чтобы сожрать её в тишине пустого дома?..

Медведица лениво, почти вальяжно повернула ко мне свою тяжёлую окровавленную морду. Её маленькие, заплывшие кровью глаза намертво зафиксировали моё присутствие. В ту же секунду из её пасти вырвался глубокий, утробный рык, от которого задрожали плинтусы.

Во многих пафосных фильмах и книжках любят врать, будто в такие секунды перед человеком картинками проносится вся его прошлая жизнь или какие-то там карамельки. Хрен там! Ничего у меня в башке не мелькало. На меня просто обрушился дикий, первобытный страх. Меня будто со всей дури ударили бревном под дых. Я резко развернулся и, панически задыхаясь, рванул обратно вверх по этажам — к

своей спасительной квартире на пятом.

Мои тяжёлые зимние сапоги с грохотом шлёпали по бетонным ступеням колодца. Следом за мной, сотрясая пролёты, неслось тяжёлое, яростное сопение зверя. Смерть догоняла по пятам. На бегу я судорожно, ломая ногти, рыскал дрожащими пальцами по карманам куртки, пытаясь нащупать связку ключей. Долетел до своей площадки, хоба — ключ в замке! В этот короткий миг я мысленно благословил свою старую ленивую привычку — никогда не закрывать квартиру на верхний замок, а нижний проворачивать всего на один оборот. Ключ повернулся с хрустом, я рванул ручку, ворвался в прихожую и даже не успел вытащить связку из замочной скважины, как с той стороны в стальное полотно прилетел сокрушительный таран.

Внешняя сторона двери у меня была из толстого сейфового железа, а изнутри прихожей её закрывала декоративная обшивка из деревянного ламината. Послышался жуткий, рвущий треск. Огромные когти с размаху пробили сталь насквозь и с мясом вылезли с внутренней стороны, развороти деревянную обшивку в паре сантиметров от моего носа...

Я никогда в жизни не думал, что в этих животных скрыто столько первобытной, сокрушительной дури. Всё моё куцее познание о медведях заканчивалось парой школьных уроков астрономии про Большую Медведицу, редкими походами в зоопарк да разглядыванием глянцевых картинок. Помню, мне в детстве всегда дико хотелось прикоснуться к жи-

вому медведю, провести ладонью по его шерсти. С виду она казалась грубой, жёсткой, почти колючей, но рука всё равно упрямо тянулась вперёд. Разумеется, строгие меры безопасности зоопарка никогда не позволяли мне осуществить эту глупую фантазию — там даже палец невозможно было просунуть сквозь стальные прутья решётки.

Но в этот мартовский Протальник решётка исчезла. И теперь эти рваные, сочащиеся багровой слизью когти, пробившие металл и ламинат, бились в паре сантиметров от моего носа. Полноценный хтонический чертёж. Логично было бы на автопилоте рвануть вторую, внутреннюю дверь за собой, запереться в глубине квартиры, забаррикадироваться... Но мой мозг окончательно отрубился. Накатила полная, парализующая дезориентация.

В дешёвых книжках любят строчить, будто организм в стрессовых ситуациях мгновенно консолидирует все скрытые силы, превращая тебя в супергероя. Чушь! Это было вообще не про меня. Всё моё онемевшее, ватное тело в эту секунду истошно кричало мне прямо в черепную коробку: «Всё, парень, приплыли. Это твой последний марафон в жизни. И ты его проиграешь. Ты уже его проиграл, можешь даже не сопротивляться! Просто посмотри на эту первобытную мощь за дверью, посмотри, сколько в этой яростной твари дикого, абсолютного желания жить... А в тебе этого желания нет. Ты пустой. Ты проиграл этот бой ещё на входе — в ту самую секунду, когда просто открыл дверь квартиры и

начал этот проклятый день...»

Я из последних сил прорвался в зал, судорожно захлопнул хлипкую межкомнатную дверь и прижался к ней спиной. Я отчаянно пытался сдержать дыхание, отрегулировать его, чтобы меня прямо здесь не вывернуло наизнанку. От этой дикой панической пробежки по этажам и первобытного страха внутри грудины врубился жёсткий, удушающий астматический кашель. Лёгкие горели. Ситуация была критической: я понимал, что либо меня сейчас сорвёт в рвотный спазм, либо я просто наглухо задохнусь в собственном приступе посреди пустой квартиры.

Сквозь звон в ушах и хрипы я услышал, как в прихожей с грохотом распахнулась наша тяжёлая железная дверь. Медведица была внутри. И в этот миг меня накрыла лютая, выжигающая злость на весь этот мир. Почему?! Почему никто из соседей не выходит на лестничную площадку? Неужели в этих бетонных коробках никто не слышит рёва и грохота этой огромной, грозной твари?! Почему, боже, когда ты оказываешься один на один со смертельной бедой, включается эта жуткая, глухая обыденность, и тебе никто, абсолютно никто в этой вселенной не может помочь?! Как это работает, скажите мне?!

Кое-как переборов удушье, я отпрянул от двери. Времени не было. Послышались тяжёлые, шаркающие шаги зверя по линолеуму коридора. Тварь приближалась к залу. В панике я схватил стоявшую у стены массажную кушетку и тупо под-

пёр ей пластиковую ручку двери. Это было верхом глупости и детской наивности — надеяться, что какая-то складная кушетка способна сдержать напор лесного монстра. Поняв, что я в ловушке, я принял единственное выжившее решение — выскочил на балкон, собираясь снаружи, со стороны ледяной улицы, резко рвануть пластиковую балконную дверь на себя, чтобы защёлкнуть её в пазах косяка.

Но стоило мне сделать шаг на морозный воздух балкона, как чудовище сходу пошло на таран. Медведица передними лапами с мясом выбила межкомнатное полотно вместе с кушеткой и ворвалась в гостиную. И в ту секунду, когда её окровавленная морда прорубила темноту зала, я с ужасом осознал: в закрытом пространстве квартиры эта хтоническая тварь казалась ещё огромнее, ещё массивнее и страшнее, чем там, на лестничной площадке у лифта... Медведица взревела, поднимаясь на дыбы, её когти рванули воздух прямо перед моим лицом.

Животное оказалось на удивление любопытным. Медведица прекрасно видела, что я в панике прячусь на балконе, но к моему скромному интерьеру она почему-то проявила куда больший интерес, чем к моей испуганной персоне. Хотя нас разделяло всего лишь тонкое одинарное стекло, и визуально лесной монстр мог подумать, что до цели осталось буквально пара метров, и тёплый ужин официально подан.

Я судорожно пытался отдышаться, баюкая распухшие лёгкие. Из моего рта густыми толчками шёл горячий пар. Стек-

ло пластиковой двери мгновенно затуманилось, запотело, и мне пришлось ногтями процарапывать на ледяной корке небольшое окошко, чтобы зафиксировать, чем эта тварь занимается внутри моей квартиры. Медведица сделала два тяжёлых, абсолютно хозяйских круга по гостиной. Подошла к старому плательному шкафу и с глухим, жутким скрипом древесины принялась яростно тереть свою массивную бурую спину о зеркальные створки. Фаза трения. Затем она сделала ещё один круговой променад, странно, неестественно петляя головой из стороны в сторону, словно совершая какой-то древний шаманский ритуал вызова смерти.

Вдруг она резко, как вкопанная, застыла на месте. Её окровавленная морда замерла, уставившись в одну точку на стене. Я панически перевёл взгляд по траектории её зрачков и почувствовал, как остатки крови застыли в моих жилах. Медведица смотрела на портрет моей ушедшей Надин.

Монстр медленно подался вперёд, грузно поднялся на задние лапы, заполнив собой всё пространство гостиной, и замер, чётко вглядываясь в нарисованные глаза Надин. На этой картине она, как и при жизни, тепло улыбалась — была невероятно жизнерадостной, чистой и немного загадочной. Накатил вязкий, удушающий психологический сюрреализм. Огромная дикая медведица стояла посреди развороченного зала и отчаянно пыталась разглядеть что-то в глазах мёртвой девушки. И в этом звенящем, параноидальном полумраке казалось, что ожившая Надин тоже прямо с холста

пристально, без страха смотрит хищнику в самые зрачки... Атмосферное давление внутри черепной коробки упало до критического минимума.

Я стоял на ледяном воздухе балкона, намертво вцепившись пальцами в ручку и слегка придерживая пластиковую дверь на тот случай, если тварь решит пойти на прорыв. И, как оказалось, сделал это не зря. Медведица тяжело попятилась в мою сторону, пару раз грузно поднялась на задние лапы и попыталась всем весом опереться на запотевшее стекло. Её когти с противным, визгливым скрежетом соскользнули по глянцевому пластику, и она, лениво фыркнув, пошла дальше бродить по гостиной, наяривая круги и методично изучая мой скромный быт. Я всё ещё отчаянно, до боли в висках надеялся, что кто-то из соседей сейчас зайдёт в подъезд, увидит настежь распахнутую железную дверь моей квартиры, и ко мне наконец придёт спасение...

А Медведица тем временем сделала ещё один неторопливый круг, вальяжно встала в позу прямо посреди зала и... демонстративно испражнилась на мой любимый ковёр. Огромное грязное пятно поплыло по чистому белому ворсу. Закончив этот ритуал осквернения, она тяжело развернулась и наглухо подпёрла своей массивной бурой спиной балконное окно, окончательно замуровав меня снаружи.

И тут сквозь завывание метели я отчётливо услышал чьи-то шаги из подъезда. Шагов было много, они звучали быстро, дробно. Внутри всё ликующе перевернулось, на моём

замёрзшем лице даже проступила дикая, безумная улыбка: ну всё, капец тебе, зверюга, сейчас приедет наряд и наведёт здесь порядок! Я во все глаза уставился сквозь процарапанное в инее окошко на входную дверь. Дверь в гостиную медленно, бесшумно разошлась, словно сама по себе. На пороге никого не было. Мой панический взгляд упал вниз, к самому плинтусу, и сердце окончательно перестало биться.

В квартиру один за другим беззвучно зашли два маленьких пушистых медвежонка. Они деловито несли своей матери добычу, собранную где-то в недрах пустеющего дома. Накатил вязкий, парализующий психологический сюрреализм. У одного мелкого хищника во рту была зажата изящная женская туфелька, а второй гордо волок за собой потрёпанную дамскую сумочку. Медвежата по-хозяйски подошли к Медведице, аккуратно сложили эти мёртвые артефакты у её лап и послушно прижались к её массивному бурому боку. Мать медленно отвернулась от моего балконного окна, тяжело опустила окровавленную морду прямо на добытые трофеи и погрузилась в глубокий, задумчивый, хриплый сон.

Я застыл на морозе, лихорадочно пытаясь переварить этот бред. Что эта тварь вообще забыла в моей квартире? Неужели она всерьёз решила устроить берлогу прямо посреди моей гостиной, да ещё и притащила сюда свой выводок? Если это так, то сейчас, защищая медвежат, она будет особо, смертельно опасна. Из подъезда по-прежнему никто не шёл. Надеяться на соседей было бессмысленно.

Я огляделся по сторонам. Вокруг нашей серой панельки стояли десятки таких же многоэтажных свечек-новостроек. Наш микрорайон насчитывал тысячи, десятки, а может, и сотни тысяч живых людей. Я подсознательно убеждал себя, что просто не имею права пропасть в такой банальной, бытовой ситуации посреди огромного мегаполиса! Одной рукой я продолжал мёртвой хваткой держать ручку балконной двери, а вторую приставил к губам, создавая ладонью эффект рупора-мегафона, чтобы заорать на всю улицу, позвать на помощь...

И в этот самый миг мир вокруг меня просто выключили.

В ответ на мою попытку закричать по всему микрорайону разом погас свет. Все эти миллиарды огней в окнах высоток, уличные фонари, неоновые вывески — всё мгновенно схлопнулось в глухую, парализующую тьму. Поток машин на проспекте внизу резко, синхронно замер, у автомобилей разом погасли фары и габариты. Весь привычный городской гул, все эти стабильные 65 децибел круглосуточного фонового шума цивилизации в одну секунду превратились в еле слышную, физически ощутимую, звенящую пустоту. Накатила полная дезориентация. Я замер, не понимая, что происходит с планетой...

И вдруг эту гробовую тишину наотмашь разрезал резкий, оглушительный, яростный гудок встречного товарняка. Что за странная порода людей — эти машинисты электропоездов? При приближении к встречному составу они всегда сиг-

налят с таким неистовым надрывом, словно делают это в самый последний раз в своей жизни. Ну или будто внезапно видят в кабине напротив своего старого, верного приятеля, с которым они не виделись уже много-много лет...

Я судорожно, с хриплым криком открыл глаза и рванул воротник куртки, панически хватая ртом воздух.

Никакого балкона не было. Мир не выключался. Вокруг за замёрзшим окном летела мартовская метель. Я сидел на жёстком деревянном сиденье. Шёл Протальник, и я ехал в безликой утренней электричке по дороге в Магати...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.